

Уже лет двадцать пять как фильм "Ирония судьбы, или С лёгким паром" в обязательном порядке сопровождает наши новогодние посиделки. Выученный наизусть от кадра до кадра, он разошёлся на пословицы и поговорки, всё равно как грибоедовское "Горе от ума", но каждый Новый год недрогнувшей рукой мы нажимаем кнопку на пульте, чтобы вновь и вновь услышать знакомое: "Что за гадость эта ваша заливная рыба!" И это правильно. Страна должна любить своих героев.

Как любили когда-то Аркадия Райкина описать невозможное. В той жизни, где не было "Иронии судьбы", зато были очереди, дефицит,очные страхи, унылые будни, грубыe домработницы и злые бюрократы, Новый год ждали и из-за него тоже. Включали телевизор и как заворожённые повторяли свои любимые и тоже заученные наизусть фразы: "В греческом зале, в греческом зале..." Без Райкина не могло быть нашей жизни, и Нового года тоже. Нас с каждым годом становится всё меньше и меньше. Райкин остаётся. И в старый Новый год он опять с нами. О нём вспоминает бывший его партнёр, ныне актёр театра "Сатирикон", заслуженный артист России Владимир Михайловский. Своими воспоминаниями он делится с нашим корреспондентом Верой Собко.

незабытый, незабываемый

Владимир Михайловский: "Во многом благодаря Райкину я всё ещё жив".

– Владимир Михайлович, как случилось, что вы, актёр драматического театра, стали работать на эстраде?

– К Райкину я попал абсолютно случайно. Роман Карцев и Виктор Ильченко решили зажить самостоятельной жизнью. Нужно было срочно искать им замену. И вот ведущая актриса этого театра Виктория Горшенина, с которой мы тогда вместе снимались в картине Юлиана Панича "Дорога домой", порекомендовала меня Райкину. Меня срочно ввели вместо Карцева на роль мальчика-школьника в миниатюре "Школа", Аркадию Исааковичу понравилось мое исполнение, и он заговорил со мной о том, чтобы я перешёл к ним в штат.

– Прошлой осенью кроме 90-летия Райкина отмечался ещё 60-летний юбилей театра, который теперь называется "Сатирикон". А как начался тот, давний, ленинградский Театр Миниатюр?

– Считается, что театр возник в 40-м году, но на самом деле он начинался уже в 39-м, когда Райкин стал лауреатом Первого конкурса артистов эстрады. Именно это лауреатство дало возможность Райкину набрать тогда ещё совсем маленькую труппу, в которой с самого начала было всего несколько человек и в том числе его жена Рома – Руфь Марковна Иоффе.

Она была замечательным человеком и прелестной, лёгкой актрисой. Но потом с ней приключилась беда – её парализовало. Аркадий Исаакович очень мужественно всё это переносил, очень о ней заботился, хотя сам к тому времени был уже очень больным человеком. Такая сильная, сплошённая семья. И театр наш тоже был как одна семья.

– Вы, коренной ленинградец, не жалели, когда театр переехал из Ленинграда в Москву?

– Лицо я не жалел, хотя очень люблю Ленинград. В Москве нас обеспечили жилплощадью – и актёров, и рабочих сцены, всех, кто переехал. Аркадий Исаакович позаботился о нас и дал возможность спокойно работать. А потом, что значит жалею? Так тогда сложились обстоятельства. Секретарь ленинградского обкома партии Романов просто душил наш театр. Особенно после совершенно фантастических гастролей в 70-м году в Москве, когда желающих попасть на спектакль разгоняла конная милиция. После этого к нам в Ленинграде зачастили самые разные комиссии. Я был свидетелем того, как пытались запретить спектакль, где звучали цитаты из ленинских работ. На двух представлениях, которые успели пройти, зрители в зале испуганно оглядывались – не наблюдал ли кто за их реакцией. И вот пришла комиссия, чтобы проверить, можно ли всё это говорить народу. В кабинете было человек двенадцать, а за столом сидел Райкин – как раз под портретом Ленина. Он начал им читать эти самые ленинские цитаты и читал их, как никогда, просто сверхгениально. У меня кровь застыла в жилах, так это было страшно. А комиссия никаких подтекстов не уловила и покровительственно сказала: "Ну ладно, хорошо, играйте". Только вечером спектакль всё равно пришлось отменить, потому что Аркадия Исааковича увезли в больницу – так велико было напряжение.

– Говорят, что переезду театра в Москву содействовал Брежнев?

– Во время войны Райкин со своей

труппой давал концерты на фронте, в том числе и на Малой Земле, где Брежnev был начальником политотдела. Но мне кажется, что помог не Брежнев, а совершенно невероятная популярность Райкина и его личные человеческие качества. Мало кто знает, каким хорошим, каким отзывчивым он был человеком. В моей судьбе его участие многое определило, во многом благодаря ему я всё ещё жив. Ещё работая в ленинградском Театре комедии, я получил серьёзную травму – на репетиции я упал с большой высоты. Позже, когда я уже работал у Райкина, у меня на спине обнаружили опухоль и поставили страшный диагноз – рак. По всем медицинским показателям к началу 1978 года я должен был покинуть этот мир. Но с помощью Аркадия Исааковича меня перевели в Онкологический институт на Песочной, благодаря его участию врачи отнеслись ко мне особенно внимательно. Там я пролежал целых два года и в результате интенсивного лечения остался жив. Райкин взял меня обратно в театр.

большие роли никто не мог рассчитывать, мы были нужны только на подхвате. В театр Райкина надо было идти совершенно осознанно, хорошо понимая, на что идёшь.

– Миниатюры Райкина могли расшмяшить любого, самого мрачного человека, а в повседневной жизни он тоже был остроумным весельчаком?

– По рассказам давних его партнёров знаю, что в молодости он был очень смешливым, в розыгрышах участвовал. А мне всегда казалось, что Райкин сохранял энергию для сцены, не растратил её. Последние годы был очень слаб, болен, всегда сидел на стуле в кулисах. А когда выходил на сцену, случалось чудо. Его не узнат – лёгкость, полёт, гений. Но вот он делает шаг со сцены – и в то же мгновение уходят силы и возвращаются болезни, старость...

Архив